

КОНСТАНТИН
РАЙКИН

ШКОЛА УДИВЛЕНИЯ

Дневник
ученика

УДК 792.2:929(470)
ББК 85.334.3(2)6-8
P18

При участии
Фонда поддержки и развития культуры имени Аркадия Райкина
и
Высшей школы сценических искусств
(Театральной школы Константина Райкина)

Фото на обложке — *А. Иваншин*

Райкин, Константин Аркадьевич.

P18 Школа удивления : дневник ученика / Константин Райкин. —
Москва : Эксмо, 2026. — 368 с. : ил.

ISBN 978-5-04-217171-0

Книга Константина Райкина «Школа удивления» — это не автобиография и не мемуары в привычном понимании. Это исповедь человека, чья судьба была предопределена — служить искусству. Исповедь человека, с детства не желавшего следовать по начертанному общественным мнением пути и сознательно отказавшегося греться в лучах родительской славы.

Подзаголовок «Дневник ученика» имеет едва ли не ключевое значение. В книге Райкин — не мастер сцены, всенародный любимец, с театрального олимпа вещающий байки «о жизни в искусстве». Это записки «вечного студента», ученика, не перестающего ежедневно задавать вопросы себе, миру, искусству.

Эта книга в образном смысле — школьная тетрадка, в которую собраны размышления, ощущения, переживания о театре, об искусстве, о театральной педагогике и режиссуре, о выдающихся соратниках и учителях.

УДК 792.2:929(470)
ББК 85.334.3(2)6-8

- © Райкин К. А., текст, 2025
- © Ананская Анна, текст, 2025
- © Фото из личного архива Райкина К. А.
- © Фото из архива Российского государственного театра «Сатирикон» имени Аркадия Райкина
- © Фото из архива Высшей школы сценических искусств (Театральной школы Константина Райкина)
- © Фото из архива Школы-студии МХАТ
- © Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-217171-0

ВСТУПЛЕНИЕ

Моя жизнь и моя работа теснейшим образом связаны и переплетены. Они неразрывны. События, эмоции и размышления моей жизни оказывают непосредственное влияние на то, что и как я делаю на театральном поприще в качестве актера, режиссера, педагога и художественного руководителя. И наоборот, все мои театральные «путешествия и приключения», репетиции, общение с режиссерами, премьеры, удачи, поражения, невероятные трудности профессиональных преодолений, отношения с партнерами, учениками, коллегами по работе, учителями, зрителями, драматургами, анализ этих отношений, а также чувства и мысли, связанные с драматургией, литературой, поэзией, живописью, музыкой, то есть постоянная профессиональная деятельность, оказывают сильнейшее влияние на всю остальную мою жизнь. Остальной же жизни, за вычетом всего, что связано с работой, остается, в общем-то, совсем немного. По ходу и в потоке всех этих переплетений и взаимозависимостей накапливается огромный профессиональный и человеческий опыт, который хочется осмыслить и кому-то передать.

Я прекрасно понимаю из собственной практики, что опыт — это не только хорошо, но и плохо. Плохо, потому что опыт конечен. Опыт — это штампы, клише, закостенелость, упертость, колея и так далее. Тут я хочу сразу оговориться. Все, о чем здесь написано, очень субъективно и касается исключительно моих личных ощущений и мыслей. Кому-то это может совсем не подходить, показаться странным, а иногда неприемлемым

и даже диким. Тем не менее, поскольку все это написано очень откровенно, местами бесстыдно и, по сути, исповеднически, надеюсь, что какими-то «боками» это может кому-то быть полезным. Надеюсь, этот кто-то поймет, что в своих глубоко интимных, потаенных профессиональных и человеческих ощущениях он не одинок. Бывает, это очень поддерживает и ободряет, когда вдруг открываешь: «О! И у него так же».

Конечно, когда я говорю о чем-то, чем увлекаюсь, а я почти всегда здесь говорю о том, чем всерьез взволнован, я в силу своего темперамента звучу порой категорично. Но, опять-таки, прошу понять: это лишь мои личные убеждения. Вообще, по природе своей я ученик, то есть способен удивляться и признавать свою неправоту, что и отражено в названии этой книги.

Кстати, насчет названия. Слово «удивление» здесь имеет два смежных значения. Удивление как важнейший компонент актерской игры, ибо практически любой персонаж сцены в какой-то момент пьесы сталкивается с чем-то неожиданным, и удивление есть естественная живая реакция на это. Качество этой реакции есть важнейшая информация о характере персонажа.

Удивление же в реальной жизни говорит о способности непосредственно и остро реагировать на происходящее вокруг, оценивать его адекватно и свежо. Это свидетельство высокой жизненной энергии. Среди взрослых людей такое встречается нечасто. Посмотрите, как много удивляются дети. Конечно, ведь они находятся у самых истоков жизни, переполнены новыми ощущениями от нее, еще не привыкли, не поскущели, не притупились. Очень важно и во взрослом возрасте всеми силами сохранять эту детскость ощущений, чувствовать остроту жизни.

Думаю, что «школа удивления», помимо методологического применения в театральных профессиях, это в более широком смысле наука быть живым. В конце концов, быть человеком. Ведь потеряв способность удивляться, а значит, задавать вопросы, человек утрачивает важнейшую составляющую своей сути. Может быть, это одна из главных мыслей этой книги.

Вполне допускаю, что ее будет не слишком просто читать. В ней нет линейности. В силу всего вышесказанного в ней воспоминания детства, юности и последних лет переплетены с профессиональными рефлексиями, коллизиями, методологическими соображениями, впечатлениями от общения с высочайшими мастерами актерского и режиссерского искусства, оценками и размышлениями о современной классической драматургии, режиссуре и так далее и тому подобное. Все это не очень причесано. И хорошо. Я так и хотел.

Мысли о такой книге время от времени возникали у меня, но и улетали в силу постоянной острой занятости. Если бы не Анна Ананская, которая решительно и волево направила меня на эту идею и буквально шаг за шагом помогала на выбранном пути, выстраивая, координируя, контролируя, фиксируя, редактируя всю работу, этой книги просто не было бы. Я выражаю ей свою бесконечную благодарность.

Итак, поехали.

КОТЯ РАЙКИН

Когда я родился, мне долго выбирали имя, никак не могли определиться. В какой-то момент мой дедушка, мамин папа Марк Львович Иоффе, сказал: «Ну вот кто у вас в театре духовный предводитель?» Родители ответили: «Ну Станиславский, Константин Сергеевич...» Вот так, похоже, я и получил свое имя. Папа, мама, сестра Катя всю жизнь называли меня Котей. Некоторые близкие друзья обращаются ко мне так до сих пор.

Первые детские воспоминания — зрительные, они связаны с родителями — с лицами, с нашей собакой Кузей — это был королевский пудель, черный, большой. Врачи не разрешали мне какое-то время его трогать... И вот мне нельзя, а я так хочу. Я к нему обращаюсь, говорю: «Кузя, Кузя, мне не разрешают тебя гладить...»

Я вообще помню себя с очень раннего возраста. Кровать с сеткой защитной — значит, я был еще совсем маленьким. Помню, как мне делают укол. Страшно. Все обещают, что больно не будет, а оказывается наоборот. Позже мама мне рассказывала, как им с папой было стыдно, потому что я повернулся и спросил: «Вы знали, знали, что мне будет так больно?!»

Я вырос очень терпеливым: уколы мне делали в несметном количестве. У меня, например, был фурункулез во время съемок, и меня кололи по многу раз в день. И позже бывали неприятные медицинские экзекуции. Я научился терпеливо и стойко это переносить. Но вот в детстве... Помню, как у меня берут

кровь, и я врачей пинаю страшно, отбиваюсь от них прямо всерьез, не даюсь, меня скручивают...

Мы живем в нашей коммунальной квартире на Греческом проспекте в Ленинграде. Таврический сад недалеко. Дом наш я хорошо помню. Большая генеральская квартира, ставшая коммуналкой, в которой, кроме нас, еще девять семей соседей. У нас две комнаты — столовая и спальня. Есть еще маленькая кладовка около общей кухни. То есть, формально говоря, у нас три комнаты: две обычные и вот эта половинка хозяйственная, нежилая. Огромная общая кухня, на которой готовят все наши соседи. Я их всех тоже хорошо помню. Детская память очень цепкая. Денисовы... Маленькая девочка Катя с мамой. Моя Катенька, сестра, тоже с нами, она в школу ходит.

Самое интересное, что относительно недавно я нашел эту квартиру, зашел в нее. А соседи, почти все, так там и живут, не хотят разъезжаться. Такая вот привычка к коллективизму. Дом этот находится недалеко от Большого концертного зала «Октябрьский». Это неожиданно как-то для меня выяснилось. Я же много раз там выступал и вдруг понял, что Греческий проспект — вот он, прямо тут же...

Я в 1950 году родился, а с 1953-го, после смерти Сталина и даже незадолго до нее, стали возвращаться люди из лагерей. Один наш сосед, кажется, Татаринев, был прокурором. Жил с женой в нашей коммунальной квартире. И вот однажды кто-то из обвиненных этим прокурором вдруг вернулся и решил, видимо, с ним посчитаться. Спас этого прокурора папа. Он встретил в квартире человека, одетого как-то нехорошо. Тот спросил насчет Татаринева, а потом, узнав папу, очень быстро ушел. На моей детской памяти два случая, когда отец своей популярностью выправил острую ситуацию.

Дело в том, что туалет в этой коммунальной квартире был один на всех. И вот ночью папа в пижаме, идя в уборную, вдруг увидел какого-то постороннего человека, входящего в квартиру. Это был квартирный вор, который вдруг сказал: «Райкин!» и тихо ретировался. Мне эти истории то ли мама рассказывала, то ли сестра Катенька.

Я очень рано понял, что папа у меня особенный, знаменитый, что его все знают и любят. Еще ребенком я застал расцвет его славы. Папу в то время уже по телевизору показывали. А телевизор такой — с линзой, соседский, у нас своего тогда не было. Я пристально следил за тем, как папа играл, как вокруг играли артисты. Всегда внимательно смотрел, воспринимал и впитывал. А когда родители говорили мне: «Мы идем на работу», я не понимал, что это значит. Я считал, что работа — это какое-то другое дело, не то, чем занимаются папа и мама на сцене. В моем детском воображении работа выглядела так: приставная лестница, по которой родители взбираются и потом спускаются. Почему я так решил, не знаю. До сих пор отчетливо вижу этот образ. Работа представлялась мне физическим действием, смысла которого я не понимал.

Возвращение родителей с работы — одно из сильнейших чувственных воспоминаний моего детства. Приходили они всегда поздно (спектакль начинался в восемь вечера и шел три часа). Лифт в нашем доме всегда было слышно. Я не спал, ждал: всегда последний лифт — это родители. Позже них никто не ездил. Их приход был для меня освобождением от многочисленных детских страхов.

Я был очень впечатлительным ребенком, боялся темноты: «Собаку Баскервилей» на протяжении нескольких лет не мог

дочитать — такое сильное она производила на меня впечатление. Я так пугался, что становился в кровати в оборонительную позу на четвереньки и, накрывшись одеялом, стоял так в темноте, пока родители не приезжали. Позже я узнал, что это самая главная защитная поза. Мне даже лежать было страшно.

Когда родители возвращались, они брали меня к себе в кровать, я ложился между ними, и это было самым счастливым состоянием. Потом я узнал, что когда ребенок между родителями засыпает, для него это лучшее ощущение защиты и покоя.

МОИ ПРЕДКИ

Вспоминаю мою бабушку Розу со стороны мамы, Рахиль Моисеевну Рутенберг, — властную, «железную» женщину. Много лет она была директором детского дома. Я любил ее очень. Я не рос среди моей родни, но приходил к ним — к бабушке, дедушке, тетям, дядям, моим двоюродным братьям и сестрам. Они жили на улице Халтурина, а другой стороной их дом выходил на реку Мойку. Напротив наискосок находился тот самый пушкинский дом, куда после дуэли привезли смертельно раненого Александра Сергеевича.

Вообще, Рутенберг — известная большевистская фамилия. Родной брат моей бабушки, Пётр Моисеевич Рутенберг, убил попа Гапона. Во всяком случае, был одним из тех, кто это осуществил. Он был тем человеком, которому дали партийное задание — «уничтожить предателя», и он его выполнил.

У моего дедушки Марка Львовича Иоффе было три высших образования: математическое, медицинское и биологическое. Он был двоюродным братом академика Абрама Иоффе. Когда я болел и пропускал школу из-за своих гланд, Марк Львович со мной занимался. В результате я по математике многих в школе обогнал, а потом и в физико-математическую школу поступил. Дедушка так хорошо все объяснял, у него были педагогические способности.

Когда папа пришел просить маминой руки, ему было отказано: считалось, что это недостойная партия. И тогда мама ушла из семьи (переехала в общежитие), бежала за папой:

«Аркашенька! Аркашенька!» Позже, когда папа стал известным артистом, мамыны родные его оценили.

Исаак Давидович, мой дед со стороны папы, не пережил блокаду. Его оттуда вытащили, но по дороге в поезде он поел котлет, у него случился заворот кишок, и он умер (это было где-то в районе Рыбинска). Точно неизвестно, где он похоронен.

Исаак Давидович был лесным бракёром¹. Мои тетки Беба и Соня, папины сестры, рассказывали, что мой дед, узнав о папином пристрастии к театру, бил его смертным боем со словами: «Зачем еврею быть клоуном? Либо врачом, либо адвокатом!» Когда папа стал лауреатом Всесоюзного конкурса артистов эстрады и его имя шло красной строкой на афишах сборных концертов, Исаак Давидович стоял на улице около афиши, где большими буквами было написано «Аркадий Райкин», и всем прохожим говорил: «Это мой сын, это мой сын!» Он, который наказывал его за театральное увлечение, считая это занятие недостойным.

У меня были и есть родные и близкие мне люди. Родители, сестра Катя, моя жена и дочь. К другим родственникам у меня разное отношение. Есть те, кого я очень люблю. Например, моя дальняя родственница с папиной стороны, многоюродная сестра Ева, которую любят все, кто ее знает. Она родом из Риги и давным-давно живет в Бостоне. Мы с ней время от времени видимся, она прелесть. Умная, красивая, естественная, с достоинством, очень живая. Для меня она, может быть, самый желанный и любимый человек из дальних родственников. Есть еще двоюродная сестра Рита, она живет в Лос-Анджелесе, тоже очень близка мне по-человечески.

---

¹ Браковщик. — *Прим. ред.*

ПАПИН ТЕАТР

С раннего детства, еще до школы, меня брали на репетиции. Я потому все папины спектакли помню так хорошо, что, даже будучи взрослым, вспоминал его тексты и показывал, с какими интонациями он их играл. Причем это были самые ранние его миниатюры, которые он давно выкинул из памяти. Я воспроизводил их, а папа прямо заходился от смеха.

А сам я никогда не смеялся. Помню странную для меня реакцию зрителей на папиных спектаклях, когда все в зале издают единый звук. Тот, что у Булгакова в «Мольере» назван этим «Бру-га-га!» Что-то странное есть в том, когда многолюдный зал осуществляет единое звуковое действие, как бы одновременно совершает смеховую оценку. Помню ее с раннего детства, я был внутри, но сам в ней не участвовал.

Помню эту всегда очень маленькую и сплоченную команду папиного театра. Это были интересные индивидуальности. Всего около двадцати человек — двенадцать актеров, так называемый радист (тот, кто занимался звуком), человек, отвечающий за свет, Наташа Черкасс, помощник режиссера, вела спектакли, Лиля Каретникова, гример, костюмер Зина Зайцева. У обеих, кроме театра, не было вообще ничего... Был в папином театре завпост Юзик Минкович (Иосиф Израилевич его звали). Он иногда и на сцену выходил, играл маленькие роли. Например, того самого ребенка в знаменитой папиной мономиниатюре про детский плач и диссертацию. Юзик в этой сценке сидел под столом, рыдал за младенца, а затем управлял куклой.

Юзик отлично знал весь репертуар, был очень придирчивым завпостом! С одной стороны, декорация и все оформление были камерные, в расчете на любую сцену, где бы это можно было расположить. А с другой, эта компактная форма требовала колоссальной эстрадной точности.

Среди монтировщиков в театре были люди, которых папа вытащил из тюрьмы по их просьбам, обращениям, письмам. Они все на него молились. Гермоген Иванович, главный машинист сцены, например, каждый раз перед премьерой ходил в церковь, просил, чтобы спектакль прошел успешно. Позже он умер от инфаркта. Часто его вспоминаю. Помню прекрасного, с потрясающей фигурой, монтировщика, какого-то прямо культуриста, фамилию которого забыл. Он тоже много лет проработал в папином театре.

Помню всех артистов, конечно. Начало 1950-х годов... Там были Герман Новиков, чуть позже Володя Ляховицкий, мама, Тамара Кушелевская, тетя Оля Малозёмова, Нина Конопатова, Вика Горшенина, Игорь Улисов, Вадим Деранков. Потом, уже намного позже, — Рома Карцев, Витя Ильченко, Миша Жванецкий, Мила Гвоздикова, Наташа Соловьёва. Помню, как я, маленький мальчик, с восхищением смотрел на этих красивых женщин. Были еще Володя Михайловский, Игорь Еремеев, Саша Карпов, Витя Меркушев.

Хорошо помню Ленинградский театр эстрады, тот, который сейчас имени Аркадия Райкина. Это замечательное пространство. Потом я узнал, что раньше здесь был ресторан «Медведь». Помню, там был зал, на папиных спектаклях всегда набитый зрителями. В детстве он казался мне очень большим. Это сейчас я понимаю, что там не более семисот-семисот пятидесяти человек умещалось.